

Проснувшись, я выколотил новую царапину в стене камеры шипом своей руки. Прошло шесть недель с тех пор, как я познакомился с Келли и начал подсчет дней. Из дыры, которую я пробил между нашими камерами, проросла дружба. Каждый день после допроса я вставал на стол и стучала по потолку, а потом ждал, когда Келли откроет дыру, чтобы мы могли поговорить.

Кроме моего пения, она была моим единственным утешением в темноте. Единственный человеческий контакт, который у меня был здесь, и я лелеял свое время с ней. Вы могли бы спросить, не слишком ли это много?

Ну ... кроме голоса в интеркоме, она была моим единственным человеческим контактом, кем-то, кто не был охранником. Но мы не просто утешали друг друга, мы были в этом вместе.

Мы поддерживали друг друга.

Я думаю, что, если бы все продолжалось так, как было до того, как я встретил ее, я бы медленно ушел в себя, несмотря на все мое притворное довольство своим положением. У Келли были свои битвы.

Каждые несколько дней стражники забирали ее из камеры и возвращали тяжело раненной. Сломанные руки, рваные раны, глубокие темные распухшие синяки-все это было слишком часто, и худшим концом этого бездушного и расчетливого насилия были ампутации.

После этих сеансов мне оставалось только собирать осколки и утешать свою сломленную подругу Келли. Каждый раз я заставлял себя смотреть на то, что они сделали с ней, и с недоверием наблюдать, как она постепенно исцеляется. Я больше не сомневался, что она умерла, не после того, как стал свидетелем того, как у нее отросли конечности, как будто она никогда не теряла их в течение нескольких часов.

Самым странным в ее исцелении была не его чудесная сила, а то, что оно не имело обратной силы. Любое родимое пятно или шрам, оставшийся до появления ребенка, даже шрам на руке, оставшийся после того, как она упала с дерева в детстве, был там после того, как рука снова выросла.

Келли никогда не говорила о случившемся, когда они забрали ее, и я боялся, что любые попытки могут сломать ее. Мои подозрения сводились к тому, что это была не просто бесцельная пытка, это была жестокая пытка, но за ней, похоже, стояло методическое направление. Мне казалось, что они проверяют ее регенерацию, по каким причинам, я не мог сказать.

Единственное, что я знал наверняка, - это то, что они оставили после себя, физически сломленную Келли, эмоционально истощенную от травмы.

Рука держала и мягко пела колыбельные через нашу мышиную нору, помогала каждый раз возвращать ее с края, и робкая хрупкая версия ее улыбчивого я возвращалась после того, как она исцелялась. Примерно через полчаса или через шестьсот Миссисипи, по моим подсчетам, она снова будет шутить и рассказывать истории. Я никому не признался бы в этом, но Келли стала Солнцем, светящим в мою темную камеру.

Покончив с обычным тюремным завтраком, я вернулся к кухонному лифту и начал утреннее омовение, готовясь к очередному раунду с допрашивающим. После того как они отбросили мое имя, я снова стал отгораживаться от них и отказывался отвечать на любые вопросы о том, кто я такой. На любой другой вопрос я бы ответил, как я сплю, плохо ли мне, удобно ли мне и так далее.

Ранее в моих допросах я тщетно просил предметы, чтобы обуздать мою скуку, например, mp3-плеер с музыкой для прослушивания, подключение к интернету с любыми гарантиями по их выбору для просмотра. Даже мои просьбы всего лишь о книгах и журналах, казалось, были привилегиями, обусловленными моим сотрудничеством. Власть имущие, однако, бросили мне маленькую косточку и решили, что будет безопасно спустить ко мне с кухонным лифтом, резиновый прыгающий мяч.

Казалось, это больше не имело для меня большого значения.

Закончив наслаждаться холодным душем, я снова надел комбинезон, сел за стол и стал ждать, когда включится интерком и начнется допрос. Я почувствовал, как он ожил, когда энергия потекла в интерком, и он начал издавать свой обычный треск.

- Заключенный Призрак, ваш допрос отложен на сегодня. Из-за нескольких активистов с кровоточащими сердцами сотрудникам было разрешено посещать таких людей, как вы. Глупая женщина спустится на ваш уровень в ближайшие пятнадцать минут. Мы пытались предупредить ее, но она настояла. Я не буду виноват, если такой монстр, как ты, убьет ее и отменит эту глупую программу.

Я начал паниковать, когда интерком отключился. Кто-то спускался сюда? Сюда никто не спускается! Что, если она заметит дыру и сообщит об этом? Что же мне делать?

Мой взгляд скользнул к гнезду из разорванных одеял, которые я собирал, и я схватил пару пригоршней рваной ткани. Вскочив на стол, я поспешно засунул тряпки в отверстие, блокируя слабые лучи света, которые сумели проскользнуть через крышку на стороне Келли.

Убедившись, что он выдержит беглый осмотр, я спрыгнула обратно и лег на кровать, приняв непринужденную позу. Лифт в конце этажа зазвенел, когда он открылся, и я услышал звук легких шагов, приближающихся ко мне. В поле зрения появился луч света, за которым последовало странное зрелище-женщина в костюме и с фонариком на голове.

- Ба, я думала, они включают мне свет, да? - пожаловалась женщина.

- Вы можете называть меня мисс Кларк, я была назначена к вам О Г В Р, - представилась она. Если не считать того, что я не мог определить ее акцент, может быть, это был австралийский или южноафриканский? Я понятия не имел, о чем она говорит. ОГВР?

Растерянность, должно быть, отразилась на моем лице, потому что она одарила меня сочувственной улыбкой: - «я забыла, как мало информации вы здесь получаете: ОГВР это "Организация героев по взаимопомощи и ресурсам"».

- Теперь есть герои? Они позволяют таким монстрам, как мы, играть в героев? - Я, вероятно, звучал немного горько, это действительно казалось невероятным. Меня посадили в камеру за то, что я пытался остановить Якоба, а другие вроде меня стали героями.

По тому, как она неодобрительно нахмурилась, я понял, что мое использование слова "монстр" не осталось незамеченным. Если не чудовища, то кто же мы? Почему это так много значит для меня? Возможно, решив, что сейчас не время, она пропустила это мимо ушей.

- О да, некоторые из них вышли вперед как герои, в частности, после их геройских действий которые значительно снизили урон во время второго проявления, они произвели много пиара. Благодаря этой популярности мы смогли протолкнуть эту программу работы с подобными делами, - страстно рассказывала мисс Картер.

- Моя работа - помогать проявившимся, как ты, людям, которые оказались в ловушке бюрократических проволочек и не могут доказать свою личность. Я открою файл дела для того, чтобы послушать, как ты рассказываешь свою историю, и затем я проверю, что смогу внести необходимые изменения. Охранники именуют тебя Призраком, можешь сказать мне, как тебя зовут?

Срань господня, неужели кто-то действительно поможет мне, в отличие от этого засранца-следователя?

Черт, может быть, она даже сможет вытащить меня отсюда, если услышит мою историю! Я пытался не надеяться, но это было трудно. Если бы герои были вещью, и она была связана с ними, возможно, они были бы зациклены на справедливости, как в комиксах, и моя история их бы тронула!

Все это выплеснулось из меня, как поток. Я не мог остановиться. Я говорил до тех пор, пока мое горло не начало гореть, а дыхание не стало прерывистым.

Я рассказал ей свое настоящее имя, как я его получил, мое воспитание, как меня выгнали из дома приемных родителей прямо перед тем, как я проявился, и несчастный случай, который потом произошел, я верил, что меня сюда привезли.

Мисс Кларк ни разу не перебила меня и не обвинила во лжи, в том, что я что-то выдумываю или путаю ее. Она просто делала заметки в своей папке, слушая и записывая наш разговор на свой телефон. Когда ее ручка наконец перестала двигаться, я позволил себе обнадеживающую, но тревожную улыбку.

- Ты действительно веришь мне? - Спросил я, не сумев придать своему голосу безразличия. Маска вернулась не так-то легко.

- Ну, я не думаю, что ты будешь лгать мне. Существует множество поддающихся проверке частей для твоей истории, начиная с контакта с системой отчетности органов опеки и усыновления. Кстати, как бы ты предпочел, чтобы я называла тебя? - Прямая и честная манера соц-работницы, похоже, действительно действовала на меня успокаивающе, и я уже начал привыкать к ее акценту.

* содработник говорит с Киви (Новозеландским) акцентом и если честно – я ее речь собираю по смыслу. Я не знаю, как бы говорил Киви по-русски, поэтому не буду искусственно коверкать, а оставлю ее речь относительно нормальной – любая моя кривизна в ее речи (где я не врубаюсь о чем речь) я спишу на ее акцент:)

Эффект был почти опьяняющим, мои давно укоренившиеся защитные стены и запреты не могли с ним сравниться.

- Мне никогда не нравилось мое старое имя... мне было интересно ... ты сможешь называть меня Робин? Робин Призрак? - Выпалил я.

Я надеялся, что ей понравится мое имя, и был удивлен, как много оно для меня значит. Я только-только познакомился с ней, но она была первым авторитетным человеком, который обращался со мной как с человеком.

- Красивое имя для такой хорошенькой девушки, как ты. Ты хочешь, чтобы я сделала это официально? - Я почувствовал, что начинаю краснеть, и надеялся, что темнота скроет это.

- Да, пожалуйста! Если бы ты могла? Мне нравится Призрак, но когда меня так называют, это как-то бесчеловечно ... подожди ... ты только что назвала меня хорошенькой? Ты ведь врешь, да? - В темноте я еще не видел своего отражения, несмотря на ночное зрение, но был уверен, что выгляжу чудовищно.

Вместо того чтобы спорить, мисс Кларк полезла в сумочку, достала маленькое зеркало для макияжа и протянула его мне через решетку, прежде чем повернуться ко мне лицом. Я нерешительно посмотрел в зеркало, и у меня перехватило дыхание.

Мое лицо обрамляли длинные волосы цвета вороньего крыла, кожа была бледно-белой с такими же клубящимися татуировками черного дыма, как и все остальное, а глаза-серыми с таким же клубящимся черным туманом в белках глаз. Вместо того чтобы быть похожей на привидение, выползшее из колодца, как я ожидал, у меня был очаровательный нос-пуговка, изящные скулы, длинные трепещущие ресницы и полные черные губы. Я был жуткой смесью симпатичной, милой и красивой.

Ее метод аргументации сработал. - «Спасибо», - тихо пробормотал я, все еще ошеломленный.

- Это не проблема, малышка Робин. Наше время закончено я должна идти, в то же время, я буду проверять и подтверждать твою историю. Я увижусь с тобой примерно через неделю. Затем она достала из сумки расческу, протянула ее мне и подмигнула.

- Хорошенькой девушке понадобится расческа. Я не скажу стражникам, если ты это не сделаешь, - я улыбнулся ее заговорщическому шепоту. Затем, вернув мне улыбку, мисс Кларк развернулась и пошла обратно к лифту.

Мне не терпелось рассказать об этом Келли!

<http://tl.rulate.ru/book/31913/698807>